

ПРОТОИРАНСКИЙ ХРАМ В МАРГИАНЕ?

В. И. Сариниди наука обязана многими яркими и фундаментальными археологическими открытиями, которые обогатили наши знания в области древней истории и культуры Центральной Азии. Очень важны и раскопки замечательного памятника Тоголок-21. Здесь привлекает не блеск роскошнейших золотых украшений и произведений искусства, а серьезность и сложность проблем интерпретации. Я могу остановиться лишь на одной из них, а именно на предложенном В. И. Сариниди объяснении культовых сооружений как «протозороастрийского храма».

Обратимся к имеющимся в науке материалам.

На вопросе о наличии храмов у древнейших (доахеменидских) иранцев останавливались многие крупнейшие исследователи зороастризма. Х. С. Нюберг полагал, что у древнейших иранцев должны были быть специальные освященные культовые места, но устройство для этих целей настоящих зданий «полностью чуждо Авесте»¹. Эту точку зрения считали безусловно правильной М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин². Но если это верно, то как и, главное, где проходили ритуальные церемонии? По мнению М. Бойс³, в этом отношении древнейшие иранцы и ранние зороастрийцы были подобны ведическим ариям, которые, как известно, не знали никаких храмов. Жертвенное место носило название *vedi*. Оно располагалось у дома жертвователя, имело вид приподнятой или углубленной площадки нерегулярной формы. Площадка перекапывалась, и затем на нее клали траву⁴. Очень близким по своему устройству, считает М. Бойс, было и жертвенное место у древних зороастрийцев. Отдаленное представление о нем дают жертвенные места современных зороастрийцев Индии и Ирана. Что же касается храмов, то их не было у дозороастрийских иранцев, а у зороастрийцев они, по ее мнению, появились в IV в. до н. э.⁵

Некоторыми сведениями мы располагаем для более позднего времени.

В Бехистунской надписи сообщается о восстановлении Дарием разрушенных Гауматой *ayadana* (DB. I. 63—64)⁶. Акадская и эламская версии приводят в соответствующих местах термины, буквально означающие «дома богов». Исследователи по-разному интерпретируют древнеперсидское *ayadana*⁷. Р. Кент, а также В. Бранденштейн и М. Майрхофер переводят этот термин как «святилище», «священное место»⁸

¹ Nüberg H. S. Die Religionen des Alten Iran. Osnabrück, 1966 (Nachdruck). S. 369.

² Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 327. Но ср. Соколов С. Н. Религиозная система зороастризма // ИТН, I. М., 1963. С. 185: «зороастрийские жрецы исполняли богослужение в храме (позднее оташкада) перед огнем».

³ Boyce M. A. A History of Zoroastrianism. V. I. Leiden—Köln, 1975 (Handbuch der Orientalistik, I, VIII, 1, 2, 2A). P. 166 f.

⁴ О характере древнеиндийских *vedi* см.: Oldenberg H. Die Religion des Veda. B., 1894. S. 341 f.; Hillebrandt A. Ritual-Litteratur. Vedische Opfer und Zauber. Strassburg, 1897 (Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde. III. Bd. 2 Hft) S. 14, 112; Gonda J. Die Religionen Indiens. I. Veda und älterer Hinduismus. Stuttgart, 1960. S. 141. Позднейшие установления об устройстве *vedi* см.: Hillebrandt A. Das altindische Neu- und Vollmondopfer in seiner einfachsten Form. Graz, 1977 (Nachdruck). S. 44—46, 184—187.

⁵ Boyce. Op. cit. V. I. P. 166 f. О сходстве древнеиндийских *vedi*- и древнеиранских святилищ, параллелизме зороастрийского *barəsmān*- и древнеиндийского *barzhiš* и первоначальном значении второго см.: Thieme P. Vorzoroastrisches den Zarathustriern und bei Zarathustra // ZDMG. Bd 107. Hft 1. Wiesbaden, 1957. S. 71—77.

⁶ Kent R. G. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. Sec. ed. New Haven, Connecticut, 1953 (American Oriental Series. V. 33). P. 118 (текст), 120 (перевод).

⁷ Dandamaev M. A. Persien unter den ersten Achameniden (6. Jahrhundert v. Chr.). Wiesbaden, 1976. S. 234—236.

⁸ Kent. Op. cit. P. 169; Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. S. 109.

Г. Виденгрэн, сопоставляя соответствующие термины древнеперсидской и вавилонской версий Бехистунской надписи, приходит к заключению, что «персы уже в раннеахеменидское время реально обладали культовыми постройками, что явилось полным нововведением в древнеиранской религии»⁹. Собственно говоря, такова была точка зрения и Э. Херцфельда, который полагал, что *ayadana*-, упомянутые Дарием, это «храмы персидской династии, разрушенные Гауматой». Исследователи считают храмами и *daivadana* (XPh. 37—41) — «святилища ложных богов», также известные из ахеменидских надписей¹⁰.

Эти же самые данные совсем иначе трактует выдающийся современный знаток зороастризма М. Бойс. Она полагает, что словом *ayadana* обозначалась площадка, где регулярно производились жертвоприношения и молитвы, но отнюдь не здание храма (святилище), так как культовых зданий вообще, по ее мнению, не было¹¹. Я не уверен в правоте М. Бойс. Ее ссылка на то, что археологи не нашли никаких следов таких сооружений, не вполне точна. Во-первых, разного рода сооружения открыты в Западном Иране¹². Но пожалуй, наиболее яркие и четкие аргументы привнесли раскопки в 60-е годы экспедиции Итальянского института Среднего и Дальнего Востока (IsMEO) на Дахан- и Гуламан, — по-видимому, столице Зранки — Дрангианы ахеменидского времени. Здесь раскопан квадратный (53 × 54 м), окруженный по периметру глухой стеной двор (объект QN-3). Внутри углы заполнены одинаковыми квадратными помещениями, пространство между ними занято двухрядными портиками. Много небольших алтарей огня. Число их резко увеличилось в последующую эпоху, в центре двора было воздвигнуто еще три больших алтаря. Есть еще святилище QN-2 и домашние святилища. Высказана гипотеза, что три алтаря связаны с триадой: Ахура Мазда, Анахита, Митра (Ж. Ньюли); постройка QN-2 относится к правлению Дария — именно тогда, как считает У. Шеррато, была воздвигнута эта *ayadana*¹³.

У. Шеррато, указав на наличие домашних святилищ огня, высказал мнение, что крупные святилища-храмы типа QN-3 возникли на их основе¹⁴. Это очень интересная мысль. Вполне возможно, что домашние и общественные храмы существовали у до-зороастрийских иранцев. Один такой крупный храм раскопан в Западном Иране, на территории собственно Мидии, в Тепе Нуши-Джан (в 70 км к югу от Хамадана). Композиция, формы и конструкции храма свидетельствуют о длительной архитектур-

⁹ *Widengren G. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965. S. 131.*

¹⁰ *Hersfeld E. Zoroaster and his World. V. II. Princeton, 1947. P. 805; XPh — Kent. Op. cit. P. 151 (текст и перевод), 154. Ценные соображения об *ayadana*- и отражении этого термина в племенных названиях см. в работе: *Markwart J. Südarmanien und Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Quellen // Handes amorya. 1913. S. 531—545.**

¹¹ *Boyce M. A History of Zoroastrianism. V. II. Leiden — Köln, 1982 (Handbuch der Orientalistik, VIII, I, 2,2A). P. 88—89.*

¹² *Дандамаев, Луконин. Ук. соч. С. 327—329; там же ссылки на литературу вопроса. К ней можно добавить: Moorey P. R. S. Aspects of Worship and Ritual on Achaemenid Seals // Akten des VII Internationalen Kongresses für Iranische Kunst und Archäologie. 1976. B., 1979; Kleiss W. Bemerkungen zu Achaemenidischen Feueraltären // AMI. N. F. 1981. Bd 14; Yamamoto Y. The Zoroastrian Temple Cult of Fure in Archaeology and Literature (I, II) // Orient. 1979 XV; 1981 XVII; Genito B. Altari a gradini nell' Iran antico // Orientalia. Iosephi Tucci memoriae dicata. Roma, 1987 (SOR. LCI. 2).*

¹³ *Gnoli G. Additional note to the paper by U. Scerrato // Atti del Convegno «La Persia e il mondo greco-romano». Roma, 1966; idem. Politica religiosa e concezione della regalità sotto gli Achemenidi // «Gururajamañjaruka», I. Napoli, 1974; Scerrato U. Excavations at Dahan-i Ghulaman (Seistan-Iran). First preliminary report (1962—1963) // EW. 16. 1966; idem. L'edificio sacro di Dahan-i-Ghulaman (Sistan) // Atti ...; idem. Religious Life at Dahan-e Ghulaman // South Asian Archaeology 1977. V. II. Naples, 1979; Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer. B., 1971. S. 50—57; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980. P. 71 f. (Not.).*

¹⁴ Идея Х. С. Нюберга, что *ayadana*- Ахеменидов была «введена извне» и что сначала она являлась «особенностью домашнего царского культа» (*Nüberg. Op. cit. S. 369*), в свете открытий на Дахан-и Гуламан должна быть оставлена.

ной традиции. Время сооружения датируется примерно 750 г. до н. э. Исследователи этого памятника, принимая дату рождения Заратуштры — ок. 650 г., считают, что Тепе Нуши-Джан может иллюстрировать «религиозный климат времени, когда предположительно родился зороастрийский пророк»¹⁵.

Все сказанное выше свидетельствует, на наш взгляд, о том, что решение вопросов о святилищах (или храмах) у древних иранцев не может основываться лишь на анализе авестийских текстов. Религиозная практика была значительно более разнообразной, чем та, что нашла отражение в проповеди Заратуштры, т. е. в «Гатах» и в других авестийских сочинениях. Какие-то культовые сооружения, безусловно, имелись в дозороастрийское время — об этом свидетельствует Тепе Нуши-Джан (середина VIII в.). Но когда они появились? Очевидно, ситуация в разных регионах Ирана и Средней Азии была неодинаковой. Если считать, что иранизация оседло-земледельческих племен Средней Азии протекала во второй половине II тыс. до н. э. благодаря распространению с севера стенных племен¹⁶, то этнические процессы в Бактрии и Маргиане этого времени, особенно рубежа II—I тыс. до н. э. (дата Тоголока-21), можно рассматривать как отражение процесса формирования протоиранцев. Религиозные верования и практика должны были испытать влияние местного субстрата, включавшего проникшие ранее протоиндийские элементы, в частности, давно существовавшего культа огня¹⁷ и др. Происходили сложные процессы контаминации. Это привело, в частности, к развитию монументальных культовых сооружений, которые открыты В. И. Сарияниди в Маргиане и Южной Бактрии, А. Аскарковым — в Северной Бактрии¹⁸. Они различны по своей планировке и структуре, что говорит об отсутствии утвердившегося канона. Думается, нет оснований называть их «протозороастрийскими» (этому противоречат не только хронологическая удаленность от эпохи деятельности Заратуштры, но и некоторые конкретные детали, на которых мы не останавливаемся), но в целом, несмотря на ряд сомнений, я рискнул бы считать их «протоиранскими», отражающими, возможно, смешанные протоиранские и древнеиндийские черты (ср. гипотезу Б. Грея — Т. Барроу)¹⁹.

Б. А. Литвинский

¹⁵ Roof M., Stronach D. Tepe Nush-i Jan. 1970: Second interim report // Iran. V. XI. L., 1973. P. 138.

¹⁶ О вероятных механизмах взаимодействия двух групп населения см. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981. С. 160—162.

¹⁷ Genito B. Hearts of the Iranian area: a typological analysis // AIUON. V. 42. 1982.

¹⁸ Askarov A. L. Traditions et innovations dans la culture du Nord de la Bactriane à l'Age du Bronze // L'archéologie de la Bactriane ancienne. Actes du Colloque franco-soviétique. P., 1985. P. 121.

¹⁹ Gray L. H. The «Ahurian» and «Daevian» vocabularies in the Avesta // JRAS. 1927; Burrow T. The Proto-Indoaryans // JRAS. 1973.